

Л. М. РЕЙСНЕР

Н. Гумилев. «Гондла».

Драматическая поэма в 4-х частях.
«Русская мысль», январь 1917

Новую поэзию¹ до сих пор часто и не без основания упрекали за слишком узкое понимание художественных задач. Казалось странным, что эстетическая школа, объявив войну целому ряду других направлений (символизм, футуризм и т. д.), сама, в деле осуществления своих принципов, не пошла дальше чисто лирической формы словесного письма.

Эпос и драма — «большое искусство» — оставались в стороне, а вся тяжесть нового мирозерцания, целый ряд тем исторических и философских — оказались втиснутыми в хрупкие сонеты, рондо и канцоны. Перегруженный содержанием и ограниченный в объеме, стих утратил свою нечаянную легкость, и чтобы не лишиться ясности и простоты, заменил художественную последовательность — схемой и логикой рациональной.

Правда, уже делались попытки к исправлению этой досадной односторонности. «Открытие Америки» и «Пятистопные ямбы» Гумилева — первые большие вещи, переход от сгущенной миниатюры к чему-то большему.

Насколько нужен был еще один шаг в этом направлении — показывает недавно вышедшая лирическая драма «Гондла». Все в ней радуется своему большому росту, стих расправляется в монологах и диалогах, играет силой, нестесненной архитектурным, героическим замыслом. Даже театральные, бутафорские мелочи: заколдованная лютня, охраняющая певца-лебедя, когти и клыки его преследователей — только усиливают чисто поэтическую ценность поэмы. Ясно, что легенда нужна, как роль, как диалектический прием для накопившейся, неудержимо растущей энергии стиха.

В первой же картине определен замысел пьесы, личный и одновременно социальный. На престол Исландии вступает новый король, горбатый певец Гондла, уроженец мирной христианской Ирландии. Женой его должна стать Лера, царевна суровой языческой Исландии, и брак этот, соединив «лебедей и волков» обещает обоим народам славное будущее.

Конечно, гордые ярлы, Груббе, Снорре, Ахти и Лаге, не желают подчиниться власти немощного короля, неспособного «опорожнить на поле колчан», поднять из берлоги медведя и силою добыть любовь Леры.

Не смея коснуться самого царя (дикарям и хищникам свойственно боязливое отношение к слабому), ярлы наносят удар его любви и чести. Леру, ожидающую жениха, Леру, ставшую нежной и покорной девочкой Лаик — обманывает и оскорбляет участник ее воинственных дневных забав, могучий и дерзкий Лаге.

Все, что следует за этим насилием: «неправый волчий» суд, изгнание, позор и одиночество — только начало того пути, который проходят на земле все сильные духом, горбатые лебеди, посаженные в зверинец. Начало религии и есть начало искусства, всякой мысли и красоты в крестном мучении. Оно есть — действие драмы становится древним обрядом, в котором нельзя изменить ни одной, смеющейся или горестной личины. Гондла бежит, и по его следам косматая алчная свора.

С н о р р е:

Брат, ты слышишь, качается вереск
Пахнет кровью прохлады лугов.

Г р у б б е:

Серый брат мой, ты слышишь? На берег
Вышли козы, боятся волков.

И певец, которому не уйти, не спастись, видит скорую смерть и в последний раз отвечает хору: «Вой все ближе, унылый, грозящий. Гаснет взор, костенеет рука. Сердце бьется тревожной и чаще, и такая, такая тоска...»

Новая измена Леры, тяжелые и грязные работы у костра ее возлюбленного — все это проходит, как сон. Солнце просияло болью, северные ели, утесы и воды кланяются человеческому страданию. Природа ждет. Еще немного, и безумный, с кленовыми листьями и хвоей на плечах, войдет в ее зеленый и живой рай.

Новый мир, неожиданно милый,
Целый мир открывается нам...

Так, по существу, кончается «Гондла», сын скальда, сказочный король «звездный и надзвездный», полюбивший «огнекрылую боль», чужой земле и от нее свободный.

Но для Гумилева Гондла все же, в конце концов, не только художественный образ, но живой и побежденный христианин, загнанный и затравленный царь. И непременно здесь, на земле, среди этих вот язычников, нужна ему окончательная победа. Для нее и умирает Гондла, и мечом, вынутым из его сердца, лебеди крестят волков. Так в самом конце, почти неожиданно на чашу весов падает тяжелое и общее понятие — «христианство», и кажется, что именно оно и перевешивает, поглотив маленький груз личного подвига и отречения.

Совсем минуя какую бы то ни было религию, одной любовью, одной верой искупает свою вину Лаик. Ей все равно, кто положит в ладью тело королевича: «люди, лебеди иль серафимы», и куда его понесет южный ветер.

Есть только одна страна, отчизна лебедей, «многолиственных кленов» и роз, и к ней приводит свободная смерть. Как ни ослепителен крест, он подчиняется законам старой, языческой правды, вещему обряду трагических игр.

Так уйдем мы от смерти, от жизни,
Брат мой, слышишь ли речи мои?
К неземной, к лебединой отчизне
По свободному морю любви.

Совершенство стиха и заключительный монолог Леры — до известной степени вознаграждают идеологическую запутанность последнего действия, которое могло стать роковым для всего «Гондлы».

